

Space **f**actor

Space factor

Артур ПРЯДИЛЬШИК

ИМПЕРСКИЕ КОБРЫ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П85

Серия «Space factor»
Выпуск 4

Оформление обложки *Николая Плутина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П85 **Прядильщик, Артур Иванович**

Имперские кобры: роман / Артур Прядильщик. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 352 с. (Space factor).

ISBN 978-5-17-104637-8

Космос, множество освоенных планет, Империя, одаренные псионики, могучие звездные флоты — и далее по списку. Не по списку у нас главный герой — попавший в знатный переплет землянин... И вот его уже разыскивают все властные имперские структуры...

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-104637-8

© Артур Прядильщик, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА 1

Голосовые сообщения интеллект-систем корабля и крики диспетчера станции с трудом пробивались сквозь рев, стоявший в ушах, что было немного странно, так как сейчас расшифровка звука поступала в мозг не через уши, а через нейрошунт.

Внутренности скручивало в животе, будто они уже оторвались и сейчас вращались по инерции, как чай в кружке после размешивания. Разноцветные пятна, путающиеся мысли, гул крови в ушах — малый джентльменский набор. Сознание бунтовало и всеми правдами, и неправдами отбрыкивалось от суровой действительности.

Маркер катастрофически близкой планеты, центральная звезда этой системы, остальные звезды, маркер орбитальной станции и четыре маркера аварийных кораблей-роботов, на полной скорости несущихся сейчас к нему на помощь (но все еще находящиеся где-то на полпути), — всё это стремительно проворачивалось огромным колесом — тяжеловоз крутился в пространстве совершенно неприличным для воспитанного грузовика образом.

Четыре минуты* назад какой-то урод на юркой яхте выскочил всего в сорока километрах от грузовика. Полыхнули оранжевыми зарницами транспаранты-предупреждения. Псевдоинтеллект, взыв женским голосом, мгновенно дорисовал симуляцию

* Большинство единиц измерения — расстояния, времени, массы и т. п. — переведены в понятные нам, земные.

★
★
практического столкновения двух космических кораблей, только что перешедших в нормальную метрику. Но было уже слишком поздно. Ну, как оно обычно и бывает.

Происходи дело при нормальных условиях, рудовоз даже не вздрогнул бы — ну, что такое небольшая гоночная яхта с массой покоя где-то до тысячи тонн против огромной трехмегатонной махины? Размазалась бы по корпусу тоненьким слоем, лишней раз убеждая разумных в существовании в Галактике такой категории, как справедливость! Только мощный гул по корпусу пошел бы. Однако, так как оба объекта только-только проявились в нормальной «трехмерке» после гиперперехода и все еще несли на себе остаточные следы других метрик, то последствия прочувствовала на себе не только яхта, но и рудовоз.

Поля с разными метриками сцепились и очень тепло поздоровались — пространство дрогнуло и оказалось в объеме, отдаленно напоминающем огромную хитровыкрученную рюмку без ножки. Рюмку диаметром полсотни километров. Пространство внутри «рюмки» дрожало, как желе. А вот почему «рюмка»... вопрос к топологам, изучающим старшие метрики — они будут рады занять часа на три-четыре любопытствующего увлекательнейшей лекцией о геометрии метрик, отличных от нашей.

Спустя мгновение яхта, кувыркаясь, медленно отлетала прочь и от места аварии, и от планеты, а вот грузовик, тоже крутясь юлой аж в половине гигаметра от точки столкновения, несся в противоположную сторону — точнехонько к планете. И к орбитальной станции на ее орбите.

— Сука! — кричал человек в кресле стажера сразу после «столкновения», не слыша собственного

голоса. — Первая моя разгрузка! Первая разгрузка! И так мне все обосрать! Выживешь — сам тебя прибью, сука!

Думал, что кричал. На самом деле сипло хрипел, с трудом шевеля губами. Но системам корабля это было неважно — они исправно записывали все, что происходило на мостике.

Голос диспетчера станции пробился сквозь грохот в ушах. В женском голосе чувствовалась паника. Чистая и неподдельная. И было от чего паниковать: искин станции уже построил траекторию движения грузовика. Получалось... очень грустно.

— Борт «Лиош-9511», немедленно измените курс! Вы идете прямо на нас! Девяносто пять — одиннадцать! Дайте доступ для внешнего управления! Стандартная сигнатура из вашего профиля не проходит!

Он не ответил. Во-первых, общение с внешними абонентами в исключительной компетенции капитана, во-вторых, у практиканта нет ни доступа к управлению, ни капитанского мастер-пароля — он же практикант, существо бесправное и бесполезное. Иногда дают за управление подержаться под надзором «старичков» — и все.

Зато он оценил переданную со станции симуляцию траектории. Красивая ровненькая красная линия, показывающая неуправляемое движение рудовоза, упиралась точно в центр комплекса станции. Куда-то в район складов хранения топлива для маневровых двигателей. Да на месте диспетчера он кричал бы благим матом! Если после столкновения произойдет реакция топлива, то от станции не останется даже обломков. Одна пыль. Космическая.

— Да ты у нас просто снайпер, подружка! — тихо прошептал он.

Состояние, как у пьяного. Наверняка это системы скафандра впрыснули какой-нибудь препарат, наконец-то проанализировав плачевное состояние человеческого организма, пережеванного разнонаправленными перегрузками в момент столкновения. Грохот крови в ушах стих. Уже не грохот, а шум. «Картинка» тоже стала четкой. Не до конца, но уже что-то.

— Капитан. Рекомендую смену курса.

Замигавший перед глазами маркер показывал, что интеллект-система корабля почему-то обращается именно к нему. А почему «капитан», а не «стержер»?

Вопрос он, видимо, задал вслух, так как система любезно пояснила:

— Сейчас на борту нет других дееспособных членов экипажа, способных к управлению кораблем и имеющих право на принятие решений, касающихся пилотажа... капитан.

Что?! Он, разумеется, не поверил и включил трансляцию с камер ходового мостика — он сейчас «видел» не глазами, хоть и находился на мостике. В глазные нервы через нейрошунт шла трансляция от систем корабля, поэтому он не мог просто поднять голову и осмотреться.

Посмотрел через камеры и в растерянности от них отключился. Потому что нет ничего интересного в залитом кровью ложементе капитана Хомора (тела не было — видимо, внутренняя транспортная система уже утащила его в медблок, руководствуясь таблицей приоритетов спасения). Или в лежащем на полу штурмане Земане. С выгнутой под неестественным углом шеей штурман совсем не красил строгое внутреннее убранство мостика. И почему-то штурман не лежал в их с практикан-

том ложемент-спарке, а валялся у самой створки входного тамбура.

«Пролом виска. Скручивание спинного мозга в шейном отделе в районе первого позвонка. Технично...» — едва заметной искоркой мелькнула даже не мысль, а тень мысли.

Техник Коба (он же — Кабанчик) отсутствовал. По стыковочному регламенту техник должен был находиться рядом с машинным отделением, а не в ходовой рубке. Но раз интеллект-система повысила в звании только его, практиканта, то о судьбе Кабанчика остается только сожалеть. Будь Коба дееспособен, управление было бы передано ему — какая разница, откуда управлять кораблем?

— Капитан, системы спасения вышли из строя. Эвакуация экипажа невозможна!

Он промолчал. А интеллект-система не унималась, она еще не все «хорошее» донесла до своего оператора:

— Капитан, необходима смена курса! По информации от диспетчера станции «Видари-семнадцать», наш курс ведет к столкновению со станцией! Мощности защитных полей недостаточно, чтобы выдерживать столкновение!

Вот тут он смолчать, разумеется, не смог:

— Ну, так смени курс, к гхаргу лысому!

— Не могу, капитан! — Казалось, женский голос искренне расстроен. А хотя, да, там же был какой-то модуль эмоциональной иммитации. — Система гироскопов не отвечает на тесты, масс-детекторы неисправны — автоматическое управление двигателями невозможно! До окончания калибровки системы навигации в режим получения информации по видеоканалу десять секунд... Поправка! Из-за выявленного критического снижения пропускной способ-

ности информационных каналов до уровня восемнадцати процентов до окончания калибровки — сто восемьдесят секунд. Запрос на внешнее управление со стороны станции «Видари-семнадцать» отвергнут. Причина: неверно указан мастер-пароль!

«Б...ть! Или б...дь? Как правильно?»

Он не знал, у кого брали голос для озвучивания интеллект-системы, но эта неизвестная женщина с проникновенным голосом всегда представлялась ему величественной ослепительно красивой дамой, имеющей некоторое внешнее сходство с ее императорским величеством. До сего момента. Но сейчас... сейчас перед его мысленным взором почему-то стояла распутная кукла Няяда со своей идеальной внешностью. С соответствующим отношением к тому, что она озвучивает... кукла безмозглая!

— Девяносто пять — одиннадцать! — рявкнул голос. Теперь уже мужской. — Говорит «Алеут-четыре-двести»! Смените курс или будете уничтожены, нах! Повторяю...

««Алеут»? Откуда тут взялись военные? И почему военные не могут взломать мозги псевдоинтеллекта какого-то жалкого рудовоза?»

Вот! Опять! Опять это странная мысль, пришедшая из каких-то темных далей психики и туда же сгинувшая!

— Четыре-двести! — выдавил он. — Курс изменить не могу — системы навигации неисправны. — И, поколебавшись, зачем-то добавил: — Нах.

— Делай, что хочешь, хоть пятками по вакууму тормози! Если через минуту не изменишь курс, распылю к звездным демонам! На атомы! Понял?!

«Алеут» — это, кажется, легкий крейсер. Крейсер! На то, чтобы распылить тяжеловоз, его возможностей хватит. Более чем. И еще останется на

десяток таких же. Не на атомы, конечно, а в пыль, но — способен. Само собой, ударит гравипушкой, чтобы сбить с опасной траектории. Правда, живому и условно живому экипажу тяжеловоза от этого легче не станет. С другой стороны, ему и сейчас как-то не очень весело! А вот танки с мекариевой рудой при гравиударе совершенно не пострадают. Сплошной профит!

«Делай, что хочешь? Ну, вы сами просились!»

— Инка! — позвал он интеллект-систему корабля. — Запустить двигатели коррекции сможешь?

— Так точно, капитан! Управление пространственно-коррекционной системой исправно на семьдесят процентов.

— По моей команде даешь импульс длительностью ноль-две и мощностью двести через точки... выведи схему... убери неисправные узлы... ага... через точки шесть, десять, два, четырнадцать, Г-двадцать...

— Информация для протокола, капитан! Системы гравикомпенсации исправны на двадцать один процент. При указанной мощности импульса ускорение будет превышать безопасный для человека уровень... делаю расчет... в четыре целых шесть десятых раза.

Да она издевается! Хоть что-то на этом корабле работает на сто процентов?!

«Гальюн работает всегда — даже при разгерметизации».

— Да плевать на ускорение, детка! Иначе поцелуемся со станцией... а там человек пятьсот, не меньше!

— Занесено в протокол! Приказ принят! — согласилась инфосистема. — Коррекционная система протестирована. Уточнение — исправно шестьде-

сиять шесть процентов. Система готова. Маркер запуска «Коррекция» выведен на вашу вирт-консоль. Дополнительное предупреждение для протокола: при неисправной системе самоориентирования и неисправной системе гравикомпенсации вероятность нанесения вреда здоровью экипажа оценивается в...

Новоявленный капитан уже не слушал, внимательно отслеживая положение грузовоза относительно планеты.

Грузовоз вращался, разумеется, с постоянной скоростью. И это ощутимо упрощало задачу. Импульс надо было давать в тот короткий промежуток времени, когда условное «дно» грузовика будет «смотреть» в противоположную от планеты сторону. И перпендикулярно к оси траектории сближения со станцией. Если в противоположную от планеты сторону — будет тяжелее изменить траекторию из-за притяжения планеты. Правда, потом будет непонятно, как вывернуться из гравитационного поля планеты и не войти в атмосферу. Но это — потом.

Он вдавил изображение виртуальной клавиши.
— Импульс! — отреагировал компьютер.

Когда-нибудь в стену с разбегу врезались? Холод. Искры из глаз. Воздух разом исчезает из легких, в глаза ненадолго приходит темнота. А потом — будто кипятком ошпаривает все тело. Даже мозги, такое впечатление, вскипают. И во рту вкус ржавого железа.

«Оригинальный способ убить себя об стенку...»

На вирт-консоль вывалился немаленький такой список повреждений организма. Оранжево-желтый, иллюстрирующий цветом серьезность повреждений. Сверху — от оранжевого, вниз — до желтого. Сурово.

А сейчас — сосредоточиться! Ну!

— Импульс!

Бац! Ко всем прочим ощущениям добавилось ощущение чего-то, что течет по подбородку. «Ржавчины» во рту было уже много — ее можно было пить.

— Капитан! «Видари-семнадцать» дает расшифровку траектории. Отклонение — ноль-ноль-один по вектору «Бас-Бас-Сиал». Признано недостаточно для предотвращения столкновения. Ориентировочно требуется не менее десяти импульсов. До столкновения — сто девяносто секунд. Обнаружена возможность вашей эвакуации с борта с помощью ремонтного робота!

— Капитан «Лиош-9511»! — послышался другой мужской голос. Спокойный и веский. — Говорит адмирал Эвелин ни-Ровено. Сообщаю для протокола: мною отдан приказ о снятии замков с главных калибров кораблей охранения. В случае сохранения вашей траектории буду вынужден приказать атаковать.

— Я не капитан. Я практикант... ваше высочество.

Несмотря на хриплый тихий клекот, на который был похож голос, его слышали.

— Прости, сынок. Но, согласно Уставу, капитан теперь ты — по сообщению вашего искина других живых на борту нет... соболезную.

— Понял.

— Бить будем гравипушкой... аккуратно, одной десятой мощности... будут шансы, сынок...

Слова, как песок, сыпались сквозь пальцы. Он слышал, но уже не воспринимал смысл. Сейчас!

— Импульс!

Бац!

После четвертого импульса он стал кричать от боли. После шестого — перестал ее чувствовать. По-

★
★
сле восьмого перестал слышать и видеть даже через нейрошунты. Подумал: «Восемь раз убить себя об стенку... красавец!» И успел удивиться — в чем юмор этого факта? «Убить себя об стенку». Что в том смешного?

На этом, собственно, потерял сознание окончательно. И умер.

Обидно умирать вот так — синее небо, прозрачайшая вода спокойного океана, яркое полуденное солнце, крики чаек... И белый борт уходящей яхты где-то в двадцати кабельтовых. И миль сорок до берега. Морских миль. И почти полное отсутствие судодоходства в этом районе.

Какой же я дурак! Какой же дурак! Надо было сразу обратить внимание, как этот козел смотрел на Ленку! Сразу! А ведь он с самого начала мне не понравился! Как же я умудрился к нему спиной повернуться-то, а? Ой, дурак! Ой, дурак! Ленка же сейчас в нашей каюте... в чем мать родила... Что ж ему, суке, мало девчонок-туристок на берегу? Они ж там все бешеные и голодные до этого дела! Хотя да, у моей Ленки такая внешность... Дома, в северных широтах, мужики спокойнее реагировали, а тут... горячие южные парни стаями вились.

Так я думал первые пять минут, бешеными (наверное) глазами провожая корму с черной красивой надписью со староанглийскими завитушками «Дочь южных морей». На английском. Опьянение от двух банок пива, которые я успел выпить, пока валялся на палубе, стремительно выветривалось из моей дурной башки.

Господи, спаси Ленку! Спаси ее, Господи! Не дай этому уроду своими лапами...

Я упорно греб за уходящей яхтой. Толку от этого никакого, но плыть куда-то все равно надо. Не бултыхаться же на месте. Тем более перед тем, как этот козел выстрелил мне в спину («Ой, господин! Посмотрите-ка вон туда! Вы видите то же, что и я?»), мы как раз успели лечь на обратный курс. Так что теоретически плыл я в направлении берега.

Господи, сделай что-нибудь!

И хорошо, что на мне спасательный жилет. А все остальное — плохо.

Господи, так редко тебя о чем-то просил! Яви чудо, Господи!

Еще одна вредная мысль стучалась в голову, но я гнал ее от себя. Заставлял себя думать о Ленке и о том, что этот козел может с ней сделать. А ведь она даже выстрел не услышит — пистолет у этого мудака был с глушителем. Эти мысли помогали держаться на плаву и энергичнее двигать руками и ногами, не обращая внимания на усиливающуюся резь в боку.

Господи, я что угодно сделаю! Только спаси ее, Господи!

И вдруг — грохнуло!

Очумелыми глазами я смотрел на плотное серое-белое облако взрыва, уже снесенное ветром на несколько метров влево от «Дочери южных морей». Минуту втыкал, соображая, что при таком расстоянии звук шел до меня секунд десять, потому и вижу я сейчас языки пожара, уже успевшего начаться над развороченной взрывом палубной надстройкой.

А потом яхта стала сильно проседать на корму. А потом стала быстро тонуть.